

Морской шайтан

Олег Хафизов

Олег Хафизов родился в Екатеринбурге в 1959 году, но большую часть жизни прожил в Туле. Работал художником-оформителем, переводчиком, специалистом по рекламе, журналистом, телеведущим. Автор двух книг прозы, романов, повестей, рассказов и эссе. Печатался в «Волге», «Новом мире» и других литературных журналах.

Предлагаемая читателям новелла — это глава из нового романа Хафизова «Около света», где повествование ведется от имени художника Курляндцева, одного из участников первого российского кругосветного путешествия Крузенштерна в 1803–1806 годах. Главный герой романа — Федор Толстой по прозвищу Американец, один из наиболее одиозных авантюристов XIX века, двоюродный дядя Л. Н. Толстого и прототип нескольких персонажей русской классической литературы. Как видно из публикуемой главы, шалости Толстого-Американца стали одной из причин столкновения двух руководителей экспедиции — капитан-лейтенанта И. Ф. Крузенштерна и камергера, посла России в Японии, легендарного Н. П. Резанова.

В авторском тексте стилизовано правописание и речевые обороты первых лет XIX века.

Через несколько дней по отплытии из Англии погода стала заметно теплеть. Я проводил все дни на палубе и засыпал, сидючи в раскладных креслах, но господин Ратманов всякий раз будил меня и просил удалиться в каюту, как, по его мнению, сон на свежем воздухе вреден для здоровья и дуновение обманчивого морского ветерка может довести до жестокой лихорадки. Я с неохотой подчинялся.

Однажды ночью произошел со мною случай, весьма возбудивший мое любопытство. Я дремал, по обыкновению, в креслах на баке, как сквозь сон померещился мне разговор. Некто, голосом, сходным с графом Толстым, обращался к неизвестному со странными речами.

— Не будь же такою проказницей, душа моя, — говорил граф с ласковостью, дотоле ему не свойственной. — Ты принцесса, а не дикарка. Так слезай же с мачты и не заставляй сердиться своего папаша.

Я принял сей голос за сонную мороку и, верно, протерев глаза, не нашел округ себя никого. Сей голос, однако же, прозвучал мне столь явственно, что я не мог почесть его одною иллюзией. Идучи к себе, я остановился перед каютою графа, чтобы вернуть одолженную книгу. Из-под двери каюты пробивался свет и доносился тот же голос, что слышал я на палубе, — несомненный голос Толстого, но толико елейный, словно относился к малому дитяте.

— Перестань же кусаться, *ma chere*, — послышалось мне. — Не то папаш рассердится и посадит тебя на цепь.

В ответ послышалась какая-то возня и кудахтанье. Граф громко рассмеялся и захопал в ладоши. Мне понадобилось пребольно ущипнуть себя за нос, чтобы удостовериться, что я не грежу. В ответ на мой стук граф странным, запыхавшимся голосом попросил обождать. Движимый любопытством, я толкнул дверь. Граф в одной рубашке сидел на разбросанной постеле. Волоса его были всклокочены, на щеке виднелась свежая царапина. Он едва удерживался от смеха. В ногах его лежала опрокинутая тарелка с едою и разлитая бутылка вина. А рядом, на подуш-

ке, заметил я дамский чепец из розовых кружав. В смущении я не находил слов.

— Ах, это вы, Курляндцев! В этот час... — воскликнул граф с деланною развязностью.

— Тысячу извинений, Федор Иванович, но ваш Гиббон¹...

— Ах, Гиббон... — граф взял из руки моей книгу и небрежно бросил её на стол. — Право, я ночью мог бы обойтись без Гиббона.

Я повторил свои извинения и ретировался, пребольно ударившись плечом о переборку. Голова моя шла кругом. Ужели граф контрабандою поселил на корабле любовницу? Или долгое воздержание толкнуло его к поступку, противному самой природе мужчины? Так ли далеко простиралась его оригинальность? А может, от тягот тесного общежития с ним приключилась мозговая горячка?

На следующий день я решился подойти к Толстому и справиться, все ли с ним ладно.

— Как вы угадали? — удивился граф. — Со мною точно не все ладно после клюквенного сиропа.

Ответ Толстого был так скор и натурален, что я усумнился в справедливости своих подозрений. Не сам ли я помутился умом?

Но граф переменялся несомнительно. Весь день он почти не покидал своей каюты, забросив научные занятия и военные экзерциции. За обедом он едва притрогивался к еде, а недоеденное уносил с собою. Вместо вина он спрашивал себе добавочных фруктов и зелени, а как запасы их на корабле были ограничены, собирал оставшееся у товарищей. Скоро офицеры заметили эту привычку графа и, отказываясь от десерта, стали сами сносить его Толстому, так что каждый обед набиралась у него целая корзина яблок, орехов и пондамур². Все это он поедал в каюте и на следующий день уносил точно таковой же урожай.

Пошли слухи, что в Англии Толстой поддался какой-то тайной секте, каковая вовсе запрещает животную пищу, или производит химические опыты с растительными соками, или повредился рассудком, отказавшись от вина. Доктор Эспенберг пригласил к себе графа, произвел полный его осмотр и резюмировал, что Толстой совершенно здоров, и даже несколько здоровее, нежели перед отплытием из Кронштадта. Касательно *психологии* графа доктор нашел, что характер Федора Ивановича также изменился в лучшую сторону, стал ровнее и общительнее. Док-

¹ Эдуард Гиббон — английский историк (1737–1794), автор «Истории упадка и крушения Римской империи».

² Помидор (от франц. *potte d'amour*).

тор приписал сии перемены благотворному влиянию растительной пищи и трезвости.

Людам на корабле надоедает вечно заниматься одним предметом. Они свыклись с Толстым и нашли себе другую игрушку. В близости африканских берегов воды становились опаснее из-за алжирских морских наездников и флибустьеров. Команду вооружили и перевели на усиленную вахту...

Как-то ночью, незадолго до Тенерифа, корабль наш был поднят по тревоге. Схвативши оружие, раздетые люди выбежали на палубу и спросонья едва не побили друг друга. Стали допрашивать часовых. Матрос Баязитов, выпаливший из ружья, с выпученными глазами уверял, что увидел шайтана, выстрелил, но не попал, и шайтан ускорил от него на мачту. Татарина заставили дохнуть на капитана — он оказался трезв, да и ранее не замечался в пьянстве. Тогда зажгли факелы и пошли с заряженными ружьями осматривать корабль.

После такового волнения мне было не до сна. Вооружившись тростью, я последовал за всеми. Мы обшарили каждый закоулок палубы и во главе с капитаном пошли по каютам на тот конец, ежели злоумышленник захватил одного из спящих офицеров и сокрылся у него. Впрочем, на корабле в этот час никто не спал, кроме одного посланника. Резанов изъявил свое недовольство, однако же позволил нам осмотреть свою комнату даже до книжного шкапа. В ней не обнаружилось ничего чрезвычайного, кроме целого ящика с разнообразными ножницами, пилками, щипцами, белилами, румянами и иными средствами усовершенствования вянущей красоты, коих само назначения выходило за пределы разума.

По выходе от посланника заметили мы частые мокрые следы, ведущие в сторону каюты графа Толстого, оставленные словно бы не ногами, но детскими руками. Крузенштерн взвел курок пистолета и постучался в дверь.

— Comment? Allez vous en!³ — отвечал Толстой спросонок.

— Граф, нам необходимо осмотреть вашу комнату! — сказал Крузенштерн и решительно толкнул ногою дверь, держа свечу над головой и нацелив пистолет перед собою. В таком положении, со свечой в левой руке

³ «Чего еще? Пошли вон!» (франц.)

и пистолетом в правой, он и застыл в проеме, подобно Лотовой жене.

Снедаемые любопытством, прочие участники дозора заглядывали через его плечо и тут же отходили прочь без единого слова, с раскрытыми ртами и округленными глазами. Сие было сверх моих сил. Я протиснулся мимо капитана в каюту, где мне предлежало зрелище баснословное.

Граф в ночной сорочке раскинулся на постеле с трубкою руке и томиком Вольтера на груди, недовольно сощурившись на яркий свет. Весь пол округ него был усеян огрызками и кожурою. Рядом же, любовно устроив голову у него на плече, ласкалось существо в пеньюаре и кружевном чепце, показавшееся мне чудовищной карлицей. Чудовище нежно тянуло к щеке графа безобразные свои арапские губы и перебирало его кудри черными морщинистыми пальцами. Я узнал ручную обезьяну барона Ватерфорда.

— Позвольте, господа, представить вам мою жену, — сказал граф, поспешно накрывая свою безобразную подругу одеялом.

Голова моя зазвенела, я увидел перед глазами лягушек и лишился чувств.

Наутро граф Толстой был взят под стражу и посажен под арест на баке. Обезьяну Крузенштерн приговорил к немедленному истреблению. Боцману Карпу Петрову, по совместительству выполнявшему обязанности корабельного профоса⁴, было приказано привязать к шее животного ядро и бросить в море, не привлекая внимания экипажа.

Последнее легче было сказать, нежели сделать. Умная тварь, почуявшая неладное, не поддавалась ни на какие приманки и, в кровь укусив руку своего палача, по вантам удрала от него на самый верх грот-мачты, где выделявала, к восторгу экипажа, акробатические трюки, кувыркалась и качалась над страшной бездной на одной руке. Боцману было велено снять ее выстрелом, но, как только он появился на палубе с заряженным ружьем, среди команды начался такой ропот, что Петров не решался выполнить приказ. Впервые за время путешествия экипаж единодушно осуждал действия своего командира, которому и без того было тошно.

— Будешь ли ты стрелять или мне самому взять ружье? — прикрикнул Крузенштерн на боцмана.

Петров неохотно поднял ружье, проверил полку, взвел курок и стал прицеливаться. Обезьяна же, словно сознавая трагизм своего положения, пригорюни-

Морской шайтан

лась и печально подперла рукою щеку, глядя убийце прямо в глаза жалостным взглядом. У офицеров и матросов слезы наворачивались на глаза.

— Ну же, это несносно! — воскликнул Ромберг.

Грохнул выстрел, пуля ударила в мачту ниже цели, и все, включая Крузенштерна, выдохнули с облегчением. Обезьяна в ужасе закрыла лицо руками. Боцман принялся медлительно перезаряжать ружье.

— Иван Федорович, ужели вы допустите, чтобы в вашем присутствии застрелили даму? Это неучтиво, — сказал Ратманов.

— Барышню, — жалобно напомнил Ромберг.

— Я бы, кажись, легче живого человека утробил, — признался Мартимьянов. — Глядит, щучья дочь, в самую душу.

Толпу раздвинул взволнованный Тилезиус, разбуженный выстрелом и забывший впопыхах надеть парик, отчего его острой женская голова выглядела непривычно маленькой и молодой.

— Герр капитан, я заявляю протестацию от лица ученого общества! — воскликнул Вильгельм Готлибович, потрясая тростью. — Сие животное есть орангутан редкой породы, доставляемый в Европу за большие деньги из африканских лесов. Сия разумнейшая из обезьян представляет собой близкую копию человека, и наблюдение за нею в условиях морского похода дает бесценные сведения для медицины. Истребить ее — не токмо расточительство, но прямое пренебрежение к науке, недостойное человека просвещенного.

— Ja, ja, — подтвердили из-за спины Тилезиуса ученые коллеги.

Обезьяна тем временем выловила в своей голове блоху, внимательно рассмотрела и раскусила ее, а затем повисла вверх тормашками.

— Тоже: немец, а человек, — одобрительно отозвался о Тилезиусе Мартимьянов.

— Ваше благородие, прикажете еще стрелять? — угрюмо справился боцман.

— Какой стрелять? Пусть ее, до первого порта, — махнул рукой капитан.

Среди экипажа разнесся одобрительный гул, офицеры заплодировали, а обезьяна тут же стала спускаться по вантам.

Узнав об аресте Толстого, Резанов оделся по всей форме, напудрил и в сопровож-

Морской шайтан

дении майора свиты явился на шканцы к капитану требовать объяснений. Толстой, по его мнению, не мог быть наказан иначе как по его собственному распоряжению, что бы он там ни натворил.

— Начальник экспедиции имеет право арестовать любого члена экипажа, нарушившего субординацию, и даже застрелить его на месте при неповиновении, — возражал Крузенштерн.

— Начальник экспедиции, но не корабля, — настаивал посланник.

— Пусть так. Двум начальникам не бывать, как двум мужьям при одной жене, — горячился капитан.

— Граф Толстой относится до моей свиты и мне надлежит назначать ему наказание — или освобождать от оногo, — голос Резанова приобретал сварливые нотки. — Именем императора, я требую его освободить.

— Именем императора, он будет под арестом, — был ответ.

Никто не хотел признавать собственной слабости, но на помощь пришла профессиональная гибкость царедворца.

— Удовлетворит ли вас, ежели граф Толстой попросит прощения за свой проступок и даст честное не повторять его впредь? — предложил Резанов.

Крузенштерн был вынужден согласиться, чтобы хоть как-то выйти из тупика. Привели под конвоем Толстого, рядом с которым за руку ковыляла послушная обезьяна в переднике и чепце.

— Даете ли вы слово, граф, впредь не повторять подобного ребячества? — неохотно справился Крузенштерн.

— Как можно повторить уже сделанное? — с ангельской улыбкой отвечал Толстой.

— Даете ли вы слово? — нетерпеливо повторил Резанов.

— Ребячеств впереди много, а слово у меня одно, — серьезно отвечал граф.

— Но вы хотя бы сожалеете?

— О да, я сожалею, что был арестован, но не сожалею, что освобожден...

Для того, чтобы положить конец этому фиглярству, графа пришлось освободить, а обезьяну поставить на довольствие.

Оформление Т. Касьяновой

⁴ Палач.